

Бриз Евгений Элизиум Прайм

Настало время высечь бога
Джон Скальци, «Божественные двигатели»

Никогда не думал, что окажусь в шаге от забвения в свои двадцать шесть. Это не тот возраст, чтобы умирать, согласитесь?

В тот день я пришёл на службу как обычно в семь. Питерсон поймал меня в холле, будто я убежал с сумочкой его бабушки.

– Козински жаждет видеть тебя, – сообщил он, сияя злорадством.

– Что на этот раз?

Питерсон пожал плечами:

– Думаю, как обычно. Подсунет очередное дрянное дельце.

Немудрено. Ядовитый Плющ никак не мог успокоиться. В процентщики меня взяли на место его кузена-неудачника. Семейная драма, трудовые будни на заводе, все дела, но я-то при чём? Подсидел бракованную шестерёнку Системы – разве это преступление против человечности? Не наделён мозгами – работой туловищем.

"Это грязный успех!" – кричали завистники. Да плевать. Успех – это не президентская рубашка для важных встреч, ему не обязательно быть чистым. Верно?

С порога Козински позвал меня к себе в кабинет и бросил на стол досье:

– Клиента зовут Элизиум Монахью. У него долг в триста тысяч фунтов и неотработанные два года. Комиссионные сборщику – двадцать процентов. Берёшься?

Я присвистнул. Неужели мы с Питерсоном ошиблись?

– Где его видели в последний раз? – спросил я.

– Раньше он часто отдыхал на "Тропике", прокручивал отцовский капитал. Пока ему не подарили свою планету.

– Свою планету?? – Я не знаю, как мне удалось удержать челюсть на месте. Очевидно, с трудом.

– Да, шестой спутник Прайма. Монахью-старший выхватил его на аукционе.

– Если у папани столько денег, как сынок оказался в должниках у нашего Банка? – ситуация не укладывалась у меня в голове.

– Богачи – самые жадные создания в мире, – пояснил Козински, опираясь, судя по всему, на свой личный опыт. – Он понабрал кредитов ещё во времена бурной юности, семейное дело в ту пору не приносило таких доходов. А когда отец узнал о накопившихся процентах нерадивого отпрыска, тут же открестился от него. Очередная зажавшаяся скряга. Мать пригрозила разводом, но после пары выбитых зубов передумала. Такая вот семейка.

– Н-да, – протянул я. – Как называется его планета?

– Элизиум. Ты сомневался? Полное название Элизиум Прайм.

– Как "оригинально" звучит.

В столовой за обедом мы с Плющом подробно обсудили детали моей поездки, после чего я взял досье и закрылся в кабинете. Предстояло многое спланировать.

Из досье мне удалось узнать, как выглядел Элизиум Монахью и что в своей жизни он считал первостепенно-важным. Почему-то я несколько не удивился, узнав, что второе прямо вытекало из первого. В наш век слишком много людей проявляло излишнюю озабоченность своим внешним видом, стараясь сохранять молодость как можно дольше. И этому было логичное объяснение – развитие технологий, освоение космоса и движение к вечной жизни с каждым днём набирало ход, и согласитесь, вы будете выглядеть крайне нелепо, если умрёте от ожирения или сердечного приступа в шестьдесят всего за пару лет до открытия учёными условного эликсира бессмертия.

Некоторые даже замораживают себя на десятилетия. Однако зачастую это напоминает хранение просроченных продуктов в морозилке.

На Элизиуме располагалось порядка ста тысяч человек, включая моего клиента и обслуживающий персонал. Я решил прикрыться маской рядового туриста.

Ну, не совсем рядового, я всё-таки собирался прихватить с собой синхронизирующий модуль и несколько зарядов транс-ампул. На тот случай, если парень окажется несговорчивым. Один укол – и дело в шляпе. Подключаешь к вашим сознаниям синхронизирующий модуль, и работа, по сути, выполнена. Должник смотрит записанные сны, как в лучших кинотеатрах Системы, а его тело при этом управляется тобой и совершает нужные тебе действия. Расписывается в бланке уведомления, находит деньги (если они есть) или отправляется в Банк для отработки процентов.

С этими ампулами и модулями вы как никогда прежде в истории вида рискуете превратиться в послушную марионетку для типа вроде меня. Если вы, скажем, чем-то не угодивший мне садовник, я могу трахнуть вашу жену на лужайке перед домом, а вы при этом будете думать, что стрижёте газон. Определить, находится ли человек в би-трансе или нет – возможно лишь с помощью дополнительной кучи оборудования. И это при условии, что я не стану использовать экранирование сознания (а я стану). Так-то. Бойтесь Майло Трэпта.

Я не стал задерживаться на Земле. Галактическая виза, серый рабочий паспорт офисного фантома Майло Паркера и маленький арсенальчик рабочих припасов – всё, что мне требовалось.

И – кое-что ещё. Но об этом чуть позже.

Я полетел на личном транспорте, зарегистрированном всё на того же тёзку-фантома. Ввёл в компьютер координаты точки назначения и расположился в комнате отдыха. Наступала самая скучная часть работы – красочный гиперсон.

– *Жизнь с тобой похожа на сон, – сказала как-то моя девушка.*

– *На эротический? – усмехнулся я. – Или на кошмар?*

– *На эротический кошмар, – ответила она.*

Больше мы не встречались.

Я давно работаю на Банк Времени. Это самое натуральное волчье логово. Если вы задержались в прошлом или родились на задворках Системы в захолустной дыре вроде Крокоса (не по своей воле, конечно же), я поведаю вам о специфике работы Банка.

Время – не более чем разновидность валюты. Его можно брать в кредит, вкладывать, консервировать или прожигать (чем активно занимается восемьдесят процентов человечества). Нет, никаких машин по перемещениям и прочей фантастики. Банк управляет не временем, а его *восприятием*. С помощью специальных модулей и препаратов, вводящих мозг в состояние би-транса. В зависимости от ваших целей, вы можете прожить день в замедленном воспроизведении или в ускоренном. Важно, кто у вас под боком – пышнотелая красотка или плешивый начальник. Работоспособность при этом никуда не исчезает. Скорее, даже увеличивается, так как вы достигаете максимальной концентрации и не отвлекаетесь на всякую ерунду по зову своего ленивого внутреннего "я".

Вы вообще ни на что не отвлекаетесь, особенно если принимаете ампулы. Транс-ампулы – это обманки для мозгов. С помощью модуля часть вашего мозга вместе с телом программируются на выполнение конкретных задач, в то время как другая часть просматривает записанные воспоминания на любой вкус. Реалистичность – стопроцентная. В конце рабочего дня вы сдаёте месячный отчёт, равный восьми часам рутинной работы, а возвращаетесь домой довольным туристом с тропического острова. Благодать, не правда ли? Правда, у би-транса есть и обратная сторона, о которой я упоминал ранее.

Так вот, Банк специализируется на профессиональном управлении временем (читай – восприятии), за что многие обыватели привыкли его демонизировать. Таким же способом должники отрабатывают проценты. Даруют время на нужды Банка. А уж там-то знают, как правильно им распорядиться в своих интересах. На самом деле – никакой магии. Чистая наука, помогающая верно потратить самый ценный актив в жутком ритме стремительно утекающей жизни.

– *Цель вашего визита, сэр? – донеслось до моего слуха.*

Я выглянул в иллюминатор: моя повозка зависла на орбите какой-то газообразной планеты. Потом я понял – это был всего лишь ковёр из плотных облаков над Элизиумом.

– Цель визита, сэр? – повторилось в динамиках.

– Туристическая.

– Предоставьте, пожалуйста, ваш паспорт и галактическую визу.

Я сел за панель и отправил им нужные файлы.

– Порядок, – ответил пограничник. – Но вам придётся оставить аппарат на орбите. Распоряжение владельца. Атмосферный лифт доставит вас на поверхность.

Вот так номер. У этого Монахью явно паранойя, коль он раздаёт такие распоряжения. Но пришлось подчиниться и оставить свой "Тек-3" на космической парковке.

– Личные вещи тоже нельзя брать с собой? – спросил я.

У модулей не было шаблонных дизайнов, зачастую они маскировались под иные предметы, поэтому вряд ли пограничник догадается, что на самом деле я с собой привёз.

– Нет, можете взять, но в лифте вы должны будете показать содержимое.

Я выругался про себя. Пистолет для транс-ампул пришлось оставить на борту. При желании и сноровке их можно вколоть и вручную. Зато пригодились кое-что ещё. То самое. Я управился минут за семь, не заставив пограничника долго ждать.

– Что это такое, сэр? – спросил второй работник поста в огромном атмосферном лифте, рассчитанном, такое ощущение, человек на триста. Замаскированный под кофемашину модуль почему-то вызвал вопросы.

– Это кофемашина нового поколения, что ж ещё!

– Серьёзно? А какой фирмы? А то я не вижу маркировки.

– Фирма – «Гнусмас». Слышали о такой? Это тестовая модель.

Модуль он всё же оставил в покое, так как его внимание привлекли ампулы. Он знал, для чего они предназначались, поэтому не было смысла убеждать его, что я вёз с собой вкусовые добавки для кофе.

– Зачем вам транс-ампулы, сэр?

– Слушай, они не запрещены законом и у меня их с собой всего четыре. Декларированию подлежат от пяти и больше.

Вообще, без модуля транс-ампулы использовались в качестве своеобразного наркотика, не вызывающего привыкание. Интерактивные симуляции, реалистичные ощущения, закрученные сюжеты – существовало великое множество шаблонов, которые менялись в процессе и подстраивались под предпочтения пользователя. Главная опасность – увязнуть в ирреальности и перестать осознавать это. Вот чем чреваты употребления транс-ампул без использования модулей-регуляторов.

– На Элизиуме законы устанавливает владелец, – сообщил таможенник. – Он приказал докладывать ему обо всех прибывающих с транс-ампулами, а если их больше одной, то закрывать пролет.

– Пресвятые угодники! – Терпению подходил конец. – Ладно, давай поступим так: в качестве пропуска на планету я оставляю тебе одну ампулу, вроде как потерю её прямо здесь и сейчас. Усекаешь?

– Вы хотите меня подкупить, я правильно понял вас, сэр?

– Можно подумать, до меня этого никто с тобой не делал.

Приходилось рисковать. Вдруг Монахью окружил себя верными псами. Но, с другой стороны, я не встречал ещё ни одного таможенника, которого бы нельзя было купить.

– Хорошо. Проходите, сэр.

Ну вот, что и требовалось доказать.

Таможенник выхватил ампулу и тут же исчез. Двери закрылись, и я оказался один в лифте размером с футбольное поле. Он медленно стал опускаться вниз. Его корпус был целиком прозрачный, кроме пола, поэтому я наблюдал всю панораму планеты с километровой высоты над уровнем облаков. Но пока что кроме них я ничего не видел. Постепенно кабина лифта вошла в слой облачности, и мне показалось, что кто-то засунул меня в стеклянную банку и поставил в каморку курильщиков.

С минуту я заморожено наблюдал туман, окутавший всё вокруг, даже закружилась голова. Потом мне открылся вид самого ужасного курорта из всех виданных. Сразу стало ясно, почему сюда летает так мало людей. Тёмные долины с отелями в виде каких-то древних построек, чёрное полотно моря, лениво выбрасывающее на серый песок одну волну за другой и ряд каких-то прямоугольных контейнеров по всему побережью, уходящих в море подобно волнорезам. И всё это утопало в тусклом искусственном освещении (естественное отсутствовало ввиду хронической облачности, надо понимать).

Лифт опустился на ровную каменную поверхность в гигантском ангаре. Ко мне тут же подбежал невысокий лысый мужик, похожий на мексиканца.

– Такси, босс! – заорал он. – Куда ехать?

– В любой приличный отель.

Я осмотрелся. Кроме этого крепыша, никого не было, что меня порядком удивило.

– "Кларк Кристалл" – лучший перевалочный пункт на всём Элизиуме! Едем туда?

– Тебе виднее.

"Кларк Кристалл" (будь он неладен, язык сломаешь) выглядел ужасно изнутри и снаружи. Это был не отель, а какое-то пристанище аскетов. Я боялся представить, как выглядели прочие заведения Элизиума. Однако на рецепции меня первым делом посчитали нужным уведомить, что соседний бар – лучший из всех.

На свой страх и риск я решил его оценить. И даже заказал там безалкогольный коктейль с апельсиновым соком. К моему счастью, я там оказался не единственным посетителем. Нас было целых двое. Не считая обкуренного бармена, в двух метрах от меня сидел какой-то странный тип с кустами непроходимой растительности на лице. Как вы понимаете, познакомиться нам велели сами небеса. Его звали Свен. Через минуту после знакомства я узнал, что он работал космическим дальнобойщиком. На Элизиум он привёз экзотические фрукты. По его словам, апельсины сюда принципиально не поставлялись по распоряжению владельца курорта. Якобы от аллергии на цитрусовые у него умер друг, и таким образом Монахью объявил протест. Хрень какая-то, да? Я понял лишь одно – меня напоили конской мочой с апельсиновым ароматом.

– Где все туристы? – спросил я у бармена и дальнобойщика одновременно, вспоминая цифры, вычитанные в досье.

– Рассредоточены по всему побережью Мрачного моря, – ответил бармен, явно удивлённый моим вопросом.

– Хоть чему-то здесь присвоили подходящее название, – заметил я и допил коктейль. – Находятся же безумцы, готовые за это платить.

– Не в деньгах счастье, мистер, – многозначительно протянул бармен и улыбнулся. – Вы знаете, что на этот счёт сказал Аврелий Августин? "Вы ослеплены золотом, сверкающим в доме богатых. Вы, конечно, видите, что они имеют, но вы не видите, чего им недостаёт".

Я настроился на скучнейший вечер и понял, что у меня куча времени поразмышлять.

Он был молодым человеком преклонного возраста (Закон противоречия).

Он поздно умер, так и не разбогатев (Закон нищеврода).

Многие говорят, что Майло Трэпт любит деньги. Не совсем правильная формулировка. Я люблю не сами деньги, а те возможности, которые они открывают. Поверьте, если бы большинство благ человечества можно было приобретать за бездомных кошек, я бы любил бездомных кошек ничуть не меньше.

Мне кажется, люди неверно относятся к деньгам, и в этом корни всех наших проблем. Подмена целей средствами и так далее. Не хочу показаться ворчливой старикашкой, поэтом приведу наглядный пример.

В университете со мной учился классный на тот момент парень по имени Алекс Ротман. Природа наделила его недюжинной силой, атлетическим телом и целым составом спортивных талантов от бега и плавания до бокса и футбола. Но вот проблема – вагончик с мозгами она подцепить к составу забыла. Из-за чего Алекс решил на безумную авантюру.

Он считал, что синоним "классного парня" – это "нищеврод". Поэтому с моей помощью он взял кредит в Банке Времени и свалил с Земли, думая, что на Крокосе никогда никого не ищут. Беда в том, что в своё время так же думали и три десятка других неудачников. Банк шерстил окружение Ротмана и тут же вышел на меня, раскрыв нашу университетскую связь. Разумеется, я не сказал им, где Алекс, ибо понятия не имел, но я знал, что они непременно его найдут. Они всегда находят должников. Мне грозили увольнением, проверяли на детекторе лжи, но мне повезло, что бывший однокурсник ушёл по-английски. Можно сказать, дурень подставил меня, но в итоге мне не пришлось решать непростую дилемму – выгораживать незадачливого друга, поставив карьеру под угрозу, или сдать беглеца с потрохами и посетить похороны собственной совести во фраке и с накладными усами.

Красивая жизнь Алекса закончилась раньше, чем он планировал. Банк выбил из него все проценты и превратил в раба, принудив гасить денежный кредит валютой куда более ценной, а именно – временем.

Любовь к деньгам зачастую остаётся безответной.

Я вернулся в отель в смешанных чувствах.

– Мистер Паркер, – обратился ко мне администратор с рецепции, напомнив мне мою новую фамилию, – вы известите, когда будете готовы?

– К чему?

– Начать процедуру. Первый этап – массаж всего тела.

Это они так дипломатично навязывали постояльцам своих синтетических шлюх?

– Как только, так сразу, – усмехнулся я и вызвал лифт.

Пока я его ждал, успел задать вопрос: на кой чёрт меня поселили на третьем этаже практически пустого отеля?

Спустя час мне надоело бездельничать, я посмотрел на часы и нажал кнопку связи с администратором отеля.

– Ну, где обещанные эскорт услуги? – нарочито сонным голосом протянул я.

– Простите, мистер Паркер?

– Ладно вам, только пришлите кого-нибудь посимпатичнее, желательно женского пола.

– Вы хотите заказать девушку?

– Да, чёрт возьми!

– Хорошо, мистер Паркер, только заранее предупреждаю вас – в нашем отеле имеются лишь секс-боты. Если для вас это имеет принципиальное значение.

– Не имеет. Я жду.

Мне не впервой было кувыраться с ботами. В большинстве случаев они вели себя активнее искусственных девиц и уж всяко живее всех закомплексованных девочек.

Мне прислали Викторию. Выглядела вполне прилично, даже несмотря на выражение лица "как меня все затрахали" и цвет кожи как у утопленницы (наверно, это такой сарказм разработчиков). Ладно, мелочи, лишь бы не осязаемые дефекты. Отсутствие света в таких случаях – решение всех проблем.

Интересно, какая у неё прошивка? Я где-то слышал, что попадались модели с весьма высоким искусственным интеллектом. Вряд ли это тот случай, но мне стало любопытно.

– Эй, как дела, крошка?

– Отлично, мистер Паркер. Рада познакомиться.

Я вытащил из мини-бара бутылку воды и спросил:

– Ты вообще знаешь что-нибудь об этой планете?

– Что именно вас интересует?

– За счёт чего курорт окупается, если здесь всё так тухло, и никто не приезжает?

– Почему вы решили, что сюда никто не приезжает? Здесь очень много туристов.

– Я пока что встретил только одного. Да и то не туриста. Где же остальные?

– Они располагаются вдоль побережья...

– Да-да, знаю, – закивал я, – бармен мне сказал то же самое. Вдоль побережья Мрачного моря, в мрачных гостиницах на мрачной планете. Чудесный антураж.

– Нет, вы не поняли, мистер Паркер. Они все там, где вскоре предстоит оказаться и вам – в консервационных камерах.

Я действительно не понял.

– Вы ведь за этим сюда и прилетели, – заключила Виктория.

Мне показалось странным – такая осведомлённость у обычной шлюхи. В тот момент я впервые подумал, что не знаю чего-то важного. Мерзкое ощущение, учитывая обстоятельства.

– А с этого места давай-ка поподробнее, дорогуша.

Знаете, иногда приходится признавать, что тебя поймали в зад, а ты этого даже не заметил. Если вы не помните за собой таких признаний, значит, до сих пор ещё не заметили.

Я не хочу утомлять вас длинной вереницей вопросов и ответов, обильно сдобренных ненормативной лексикой (преимущественно моей), поэтому не стану воспроизводить во всех подробностях случившийся между мной и секс-ботом Викторией диалог, а ограничусь лишь лаконичным протоколированием ситуации на планете Элизиум Прайм. Итак, «Версия проститутки №1».

Как оказалось, отсутствие туристов в отелях и барах Элизиума – стандартная картина. Они действительно располагались вдоль побережья в огромных контейнерах, именуемых консервационными камерами. Я уже упоминал о безумцах, желающих сохранить молодость любым воображимым способом. Заморозка или консервация – крайние меры, как ни крути. Вас заживо хоронят в ящике, чтобы потом воскресить лет через двадцать, тридцать, сто. Продолжительность целиком зависела от ваших желаний и количества цифр в банковском счёте.

Есть лишь одна проблема: если по какой-то причине, находясь в мире искусственных снов, вам захочется вернуться в своё тело (например, вы вспомните, что не досмотрели сезон любимого телешоу в прямом эфире), вам придётся отложить пробуждение до даты истечения контракта. Однако не это самое страшное. Представьте, что на человечество нападает более развитая цивилизация пришельцев, уничтожает одну колонию Системы за другой, добирается до Земли. Труссы прячутся в убежища, дипломаты пускаются на поиски компромиссов в переговорах, а до вас никому нет дела, и поэтому вы оказываетесь в самом нелепом положении из всех – лежите как препарированный лягушонок на столе, приготовленный для опытов. Наверняка пришельцы посмеются от души. Это всё равно, что получить дубинкой по голове от грабителя, находясь в сортире торгового центра со спущенными штанами и под дозой морфия.

Элизиум Прайм был большой морозилкой, служившей лишь одной целью для всех прибывающих – законсервировать себя всерьёз и надолго. Все контейнеры соединялись в единую цепь, синхронизирующую сознания находящихся в трансе постояльцев.

Клиент мог выбирать "фильм" на свой вкус: либо проживать жизнь в потустороннем мире по своему собственному сценарию с учётом индивидуальных предпочтений, либо же присоединиться к общей базе, в которой все зрители видели одну и ту же картинку – десятизвездочный курорт иллюзорного Элизиума.

Дайте угадаю – наверняка у вас возникли вопросы: почему я никогда прежде не слышал о столь масштабном пристанище "консерв"? Из какой помойки Козински набирал данные для досье, что в нём ни слова не упоминалось про истинное предназначение Элизиума? И, наконец, главный вопрос – какими ресурсами и деньгами обладало это чёртово семейство, если сынок создал гигантский аналог синхронизирующего модуля на своей планете? И ещё один: почему при этом он не заплатил Банку причитающиеся гроши, избавив всех от хлопот?

Не ломайте голову, шлюха, как обычно, всё сделает за вас.

– Объяснение тому очень простое, – охотно пояснила Виктория, – в Конвенциях Системы прямо прописан запрет на коллективные заморозки и консервации без согласования с Правительством курирующей планеты. В данном случае Прайма. Каждый клиент проходит тщательную проверку служб безопасности, прежде чем получить разрешение приземлиться на Элизиум. Наверняка твоё начальство и не подозревало о подобном. А что касается нежелания платить проценты – тут у мистера Монахью есть личные принципы. Это своего рода протест. Он считает банковскую систему порочной и рабовладельческой. Особенно в части кредитно-временных операций. Их необходимо искоренять.

Ага, принципы, как и с цитрусовыми. Из той же серии.

– Ты сказала, клиент проходит тщательную проверку. Если её осуществляют пограничники на орбите, то я бы урезал им жалование – при желании я мог бы пронести с собой ядерную боеголовку, сказав, что это миксер для взбивания сливок.

– Майло, не будь таким наивным. – Виктория позволила себе даже улыбнуться. – Ты же не думаешь, что тебя пустили в лифт, не позаботившись об идентификации твоей настоящей личности и нетуристических мотивов визита. Сборщик процентов Майло Трэпт из Банка Времени, прибывший по заданию выбить из клиента Элизиума Монахью все проценты, до последнего. Всё верно?

Я опешил от такой прямоты и оторопело глядел на Викторину.

– Хочешь сказать, Монахью знал, кто я, и позволил спуститься? Для чего? Чтобы заморозить в качестве наказания?

– Тебя нельзя было отпускать, ты же понимаешь. Процентчики как бульдоги – цепляются мёртвой хваткой. Был вариант тебя подкупить, но Коллегия Элизиума решила, что надёжнее законсервировать.

– А вашей Коллегии не хватило ума догадаться, что после моего исчезновения Банк пришлёт ещё одного бульдога, потом ещё? Будете консервировать каждого, пока планеткой не заинтересуется Правительство Прайма?

– Я не в курсе всей подноготной, но знаю лишь то, что мистер Монахью всегда просчитывает ситуацию на три шага вперёд. И он бы не стал рисковать по-крупному, избавляясь от процентщика, если бы не имел полной уверенности, что его план сработает.

– Я хочу поговорить лично с Монахью, – потребовал я.

– Боюсь, Майло, исполнение твоих просьб невозможно.

– Почему?

– Уже пошёл седьмой год как мистер Монахью приказал законсервировать себя в своих апартаментах.

– Он спятил?! – вырвалось у меня. – Кто же тогда возглавляет Коллегию и вообще управляет планетой?

– Коллегия и управляет. Только это всего лишь компьютерная программа, анализирующая данные и принимающая оптимальные решения. Так распорядился мистер Монахью. Он не доверяет людям, считая, что любого человека можно купить.

Что ж, в этом он прав.

– Все остальные сотрудники тоже роботы? – спросил я.

– Конечно. Даже бригада "упаковщиков", которая уже направляется сюда, Майло. За тобой.

Мне хватило лишь одного названия, чтобы определить недобрый род деятельности этих парней. Знакомиться с ними я не имел никакого желания. С одним ботом я бы мог справиться, но важнее было найти выход из отеля. Я услышал топот снизу – кто-то бежал по лестнице, затем по коридору.

– Не надо рыпаться, Майло. – Виктория медленно зашагала в мою сторону. – Больно не будет.

Я смачно засадил ей кулаком в нос, почувствовав, как ломаются синтетические хрящи. Она обманула – руке было больно. Секс-ботка отлетела обратно на кровать. Её нос провалился куда-то внутрь, как у Майкла Джексона в критической стадии трансформации. Я ринулся на балкон. Вдоль всего здания отеля простирался огромный бассейн с подсветкой. Вот он мой шанс на спасение, смекнул я. Не сломать бы только ноги о бетон террасы.

Я перелез через перила и прыгнул вниз.

Если ты не волк, то ты – пицца для волка. О чём-то подобном любил чесать мой преподаватель по экономике. Он объяснял, как не стать пиццей, но мы с Алексом играли в «балду» на его парах.

Что случилось с Алексом, вы уже знаете. Нет? Значит, скоро узнаете.

Вроде цел. Не дожидаясь официальной выписки, я в спешном порядке покинул бассейн и расположение отеля. Бежал как ужаленный, пока неожиданно не оказался на прибрежной полосе. А там, как вы помните, располагались пресловутые консервационные камеры – непримечательные тёмные коробки размером с контейнер, в котором с Земли обычно вывозили мусор на Венеру.

Когда контейнеры ещё не закончились, но уже заметно поредели, я наткнулся на открытую площадку, судя по всему, главную парковку для прибывающих на планету судов. Обнаружить на ней одиноко стоящий агрегат "Тек-9" не составило труда. Только дальнобойщики пользовались такими судами, поэтому я сразу понял, кто на нём прилетел. Конечно, не самый подходящий вариант для космических гонок, но я находился не в аэросалоне, чтобы выбирать.

Дальнобойщик мне не обрадовался. Заметив в иллюминатор взбирающуюся по тоненькой лесенке фигуру в полумраке, он открыл дверь и высунул наружу длинный ствол старинного винчестера.

– Ты чего сюда лезешь? – проворчал дальнобойщик.

– Я всё объясню, позволь войти!

Несколько секунд он сверлил меня подкожным взглядом, после чего всё же впустил. Когда вход заблокировался, я облегчённо вздохнул. В тот момент меня больше заботили преследователи, чем направленный в лицо винчестер.

– Ну, чего припёрся в чём мать родила? Экзотики захотелось?

– Ты в курсе, что творится на этой планете? – спросил я, переводя дыхание на режим "максимальный".

– По-моему, на ней вообще ничего не творится, – ответил Свен. – Если ты не заметил.

– Именно это обстоятельство и вынудило меня сбежать из отеля. Меня хотели законсервировать.

– А чего ты ожидал, прилетая на Элизиум Прайм?

Очень логичный вопрос, кстати говоря. Для человека, не знающего всех подробностей моего путешествия. Пришлось посвятить в них дальнобойщика.

– Что я могу сказать – ты влип, приятель, – подвёл итог Свен.

– Знаю, – пришлось вежливо согласиться. – Но пока не приполз паук, всегда есть шанс выпутаться и улететь куда подальше. Особенно если есть на чём, – закинул я удочку.

– Ты хочешь, чтобы я вывез тебя отсюда? Только если с просроченной партией персиков.

– Думаешь, пару месяцев в отсеке с просроченными персиками хуже нескольких веков в консервационной камере?

– погоди-ка, – он задумался. – Я же ведь должен за это что-нибудь получить?

Подобные вопросы я впитал едва ли не с молоком матери. Родился в такую эпоху, что поделаться. И на что я мог рассчитывать, закинув удочку с голым крючком?

– С собой у меня только одна транс-ампула с воспоминаниями о путешествии по трём экзотическим планетам Системы. По прилёту получишь ещё две.

– На кой чёрт мне твоя кислота для мозгов? Я слышал, они реально разъедаются от этих растворов.

– Чушь. Ладно, что тебя интересует: деньги, время, девочки?

Это был далеко не весь перечень моих валют, но большинство людей покупалось мной именно за них.

– Скажем, десять тысяч фунтов.

Старый блеющий козёл! – хотел воскликнуть я, но сдержался.

– Хорошо, по рукам, – выдал я. – Только ты увозишь меня отсюда немедленно!

– Немедленно не получится.

Свену за каким-то чёртом понадобилось сбрить бороду перед полётом. Он сказал, что у него такой ритуал перед отпуском. Ну, ритуал – дело святое. Пока он брился, я покопался в его каморке. Нашёл несколько дешёвых романов в потёртых переплётах. Правильно, а что ещё делать дальнобойщику, смерть как уставшему от постоянного гиперсна? Вспомнить старые добрые времена, укрыться пледом, заварить чайку и погрузиться в чтение классиков.

Как показало всемогущее Время, я во всём заблуждался.

Дальше – хуже.

В комнату отдыха вернулся мой новый знакомый всё с тем же винчестером, и я тут же на несколько секунд потерял дар речи и способность к управлению всеми частями тела. Без бороды я сразу узнал его лицо – оно крупным планом красовалось на самой первой странице досье на Элизиума Монахью.

Это, знаете, как если ваш ребёнок верит в чудеса, а вы в новогоднюю ночь решили с перепоя снять бороду Санта-Клауса, разрушив его идеалы. Я ощутил себя ребёнком, которого нагло обманули и украли все подаренные конфеты.

– Свенни, ты ли это? – постарался пошутить я.

– Игры кончены, Майло. Так что прекращай разговаривать со мной как с клиентом в отделе банковских услуг.

– Я бы и рад поговорить с тобой как с клиентом-должником, но есть одна проблема. – Я сделал характерный кивок. – И она в твоих руках.

– А, это. – Он посмотрел на винчестер с улыбкой, будто держал безобидную безделушку вроде сачка для ловли бабочек. – Не обращай внимания, нам лучше обсудить положение общих дел.

– После семи лет в консервной банке тебе захотелось излить душу кому-то из плоти и крови?

Надоели запрограммированные боты?

– А кто тебе сказал, что я покидал консервационную камеру?

Сначала я не понял вопроса.

– А, ты это не ты, а твой двойник-марионетка, напичканный гипнотическим наркотиком?

Он засмеялся. Мне всегда нравилось наблюдать за людьми, в одиночестве смеющимися над своими шутками. Но не в этот раз. Я выждал секунд пять:

– Выкладывай, я весь во внимании.

– Приготовься услышать эффектную развязку на церемонии своего забвения, где я выступлю режиссёром-постановщиком. С чего бы начать? – Он присел на бочку с надписью "Эфир" и напустил на себя рисованную задумчивость. – Ты прав, я это не я, а мой бот-аналог, к которому я подключён. Обычно он покоится в моей наземной резиденции, не расходуя зря ресурс. Но иногда я выхожу с ним на прогулку. Когда Коллегия доложила о скором прибытии сборщика процентов, мы разработали сценарий твоей короткометражки. Затем я отдал распоряжение подключиться к Свену. Так мы впервые встретились в баре.

– Ты отдал распоряжение? Лёжа в коробке?

– Похоже, твои представления о технологиях заморозки и консервации остались на уровне начала двадцатого века. Сейчас не обязательно иметь тело, чтобы вести бизнес и даже управлять целой планетой. Мой разум всегда кристально чист, а все механические действия способны выполнять запрограммированные боты, на которых я воздействую через Коллегию – программу, к которой я подключён. Например, речь Виктории приготовил для тебя я, а она лишь воспроизвела. У меня есть мозги, сотни пар глаз, ушей и рук – согласишься, с таким набором куда эффективнее вести дела.

Да уж, эффективность налицо. Теперь должники не просто превращают себя в овощи, а ещё и фаршируют технологиями нового поколения.

– Выходит, на всей планете бодрствуют только боты?

– Человек не столь надёжен, – пояснил Монахью, – поэтому весь санитарный контроль, обслуживание камер, приём и проверку новых партий туристов и прочие функции выполняют роботы, на которых я, опять же повторюсь, воздействую через Коллегию.

На языке вертелась тысяча вопросов. Не знаю, почему я выбрал именно этот:

– Трахаешься ты тоже через Коллегию?

На все мои вопросы (из той самой не озвученной тысячи) о целях проекта "Глобальная консервация" Монахью ответил примерно следующее:

– Представь, сколько людей получают возможность увидеть будущее, не потеряв при этом ни минуты жизни своего тела и получив в дальнейшем доступ к новым знаниям, опыту. Наши воспоминания стопроцентно реалистичные, ты и сам в этом убедишься. Плюс – они интерактивны и подвергаются воздействиям изнутри. Причина в гибком модуле "Элизиум Меморис" – очередной разработке моей лаборатории. Коллегия строго управляет всем, ибо не должно быть обратного пути отступления. Решился, так иди до конца.

– Но чем тебя не устраивает настоящее? – вопрошал я. – Чего вас всех так тянет в будущее? Может, там роботы уже подчинили людей или пришельцы вымели нас метлой из Системы на задворки Вселенной.

И вот тут Монахью выдал свой нетленный афоризм:

– Я просто хочу увидеть край бытия.

После такого стало ясно, что потребность задавать оставшуюся часть вопросов отпала. Вы скажете, вполне резонное желание для любопытной человеческой натуры. Но это не так. Ведь есть разница: заглянуть за кулисы или за пределы театра? Где вообще, возможно, ничего и нет.

Можете не отвечать, это риторический вопрос.

– Ну, хорошо, твоя паутина оказалась для меня слишком липкой, – признал я, – но ты ведь не думаешь, что тобой и твоей конторой не заинтересуется Банк? Один из сотрудников не вернётся с задания, и все прекрасно знают, куда я отправился. Что ты на это скажешь, режиссёр-постановщик?

– О, не беспокойся, там всё улажено. – Монахью расплылся в довольной улыбке. – Сказать тебе правду?

Я молчал, но моё выражение лица красноречиво и утвердительно кричало ему "Да!".

– На самом деле, о твоём прилёте Коллегия узнала не в тот момент, когда ты оказался на орбите. К нам поступила информация извне ещё задолго до твоего прибытия. Полное досье. Догадайся, кто его нам послал?

Гадать не пришлось.

– Козински!

– Да, Майло, твой любимый шеф. Вы с ним так любите друг друга. – Монахью на секунду заржал, как степной жеребец. – Мы взяли за дело при условии, что Банк закроет мой счёт с набевшими долговыми процентами и оставит меня в покое. Для Банка моя задолженность – сущие гроши. Я посчитал сделку вполне разумным решением. А твой Козински там стал большой шишкой, если смог списать долг. Киллер бы обошёлся намного дешевле, но тогда платить пришлось бы из своего кармана. Да и убийство – слишком топорный метод сведения счетов.

– Эта падаля похоронила меня заживо! Когда я выберусь, проем его плешь до позвоночника голыми зубами!

– Боюсь, к тому моменту от него вряд ли что-то останется.

С минуту я угрюмо молчал, позволяя Монахью упиваться триумфом. Эл был столь естественен, мне так не хотелось его обламывать...

Но пришлось.

– Ладно, Монахью, – начал я, напуская на себя излишне самоуверенный вид, – из тебя вышел действительно классный рассказчик, но, боюсь, до Майло Трэпта тебе далеко.

Улыбка сползла с лица Эла. Медленно и неохотно.

– Ты о чём?

– Да вот какое дело, Свенни. Ты ошибочно уверовал в свою неуязвимость и потерял бдительность. Твоя Коллегия оказалась не более чем набором бесполезных программ. Запомни – ни одна машина не заменит человеческий мозг. Ни одна.

Монахью недоумённо уставился на меня и молчал, хлопая ресницами, как блондинка из стип-клуба.

– Как там сказала твоя шлюшка Виктория? – Я щёлкнул пальцами и начал пародировать женский голос: – Майло, ты так наивен. Неужели ты думал, что мистер Монахью позволил бы тебе зайти в атмосферный лифт, не установив твою подлинную личность? – Далее я перешёл на родной баритон, обращаясь к Монахью: – Эл, ты так наивен. Неужели ты думал, что я полез бы в твой лифт-саркофаг, не подстраховавшись на орбите?

Кажется, Монахью начал понимать. Он снова заржал, только на сей раз в хриплом ржании сквозили нотки отчаяния. Вдобавок Эла заколбасило, но как-то даже элегантно, словно плохого танцора, которому во время танца случайно отрезали яйца.

– Ты прислал в лифт двойника? – наконец, спросил он.

– Не угадал. Я прислал тебе марионетку, которой управляю с орбиты из своего комфортабельного «Тек-3». Досье, которым снабдил тебя Козински – фальшивка. Состряпано за полтора часа на банковского раба Алекса Ротмана. Моего бывшего сокурсника. И уже бывшего раба, кстати говоря. Именно его ты и взял в плен. Мне пришлось использовать экранирование сознания, чтобы Коллегия не распознала подставы. Был риск застрять в разуме Алекса, но дело-то выгорело.

– Подожди! – потребовал Монахью. – Выходит, вы с Козински заодно?

Я подмигнул Элу.

– Мы осознанно пустили в Банке слух, что меня взяли на место его кузена, хотя на самом деле всё обстояло ровно наоборот. Я – кузен Козински, которого взяли на место какого-то неудачника. Лишь совет директоров знает о нашем родстве, остальные же думают, что Майло Трэпт – настолько крут, что способен наложить кучу дерьма у шефа на столе и остаться безнаказанным. Хах. Мы постоянно создавали видимость неприязни друг к другу, и все верили. В том числе и твоя крыса из кредитного отдела. Это ведь она доложила тебе, что Козински якобы вознамерился разделаться со мной? Вот в чём надо было убедить твоего информатора.

Монахью сделал неопределённый жест.

– Очень занятно, но я-то вам зачем понадобился?

– Мы давно тебя заподозрили, но не знали, как лучше прищучить. Без ордера и доказательств мы не могли вторгаться на Элизиум. Священная частная собственность и все дела. К тому же твоя обитель относится к директиве Прайма, а не Земли, так что влияние Банка Времени здесь куда меньше. Надо отдать должное, так просто тебя было не взять. Коллегия отсекала всех агентов и процентщиков, не пуская их в атмосферу планеты, пока я не придумал хитрый план по внедрению марионетки. Теперь у нас есть доказательства твоей нелегальной деятельности. Вся информация прямиком отправляется на компьютер Козински, так что ты схвачен, Эл. Тебе некуда бежать.

Несколько минут Монахью размышлял.

– У тебя есть два пути, мистер режиссёр консервной банки, – усмехнулся я. – Первый: предстать перед судом с последующим гниением на планете-тюрьме вроде Z-8. – Я выждал драматическую паузу. – И второй: договориться сейчас со мной и продолжить своё иллюзорное существование. Что выбираешь?

– Э... Предлагаешь откупиться? – удивился Монахью. – Но ведь Банк...

Я махнул рукой.

– Банк не имеет к делу никакого отношения. Имеем лишь мы с Козински и парочка высших лиц из управления. Твой бюджет, конечно, существенно сократится, но зато ты останешься цел. Для общества ты не так опасен, чтобы уничтожать тебя любой ценой.

– Ах ты сукин сын! Чёртов процентщик, пропади ты пропадом!

Я улыбнулся:

– Тело Алекса тоже придётся вернуть. Вместе с миллионом фунтов. Я буду ждать их на борту. И никаких фокусов с бомбами и ботами, – предупредил я. – Не забывай, что Козински на Земле, и вся информация уже у него.

Вы уж простите, что сразу не раскрыл вам всех карт и морочил голову, дескать я – барыга-простачок, угодивший в паутину. А вдруг вы оказались бы одним из ботов безумного владельца курорта грёз?

На самом деле, это издержки экранирования сознания. Чем мощнее настройки щита, тем меньше шанс быть обнаруженным. С другой же стороны, возрастает риск застрять в сознании марионетки, о чём я поведал Элу. Соблюсти грамотный баланс – вот в чём заключается мастерство настоящего виртуоза. Вроде меня.

Я отключил модуль и выбрался из защитной капсулы. «Тек-3» по-прежнему висел на орбитальной парковке. У меня было отличное настроение. Предвкушение солидных сумм всегда заряжает позитивом.

Алекс Ротман – вот что я имел в виду под "кое-чем ещё", когда собирался на задание. Переодевание в него заняло каких-то семь минут, даже пограничник ни черта не заподозрил.

Откровенно говоря, я не очень люблю выражение "банковский раб". Алекс – мой каскадёр. В тех делах, где его развитое тело и физические данные в совокупности с моим умом и смекалкой превращают нас в универсального сборщика процентов. В университете он сдавал за меня нормативы по физкультуре, теперь ловит должников. Не наделён мозгами – работой туловищем. Так устроен мир, и я не вижу в этом ничего зазорного. Я же, в свою очередь, помогал Алексу сдавать кучу экзаменов, а теперь этим "громким делом" полностью закрыл его долг перед Банком. Отныне Ротман свободный человек, снова классный парень и, кажется, он нашёл своё призвание.

Он знал, на что идёт, и согласился, не раздумывая, но с одним лишь условием: пока я ловил Монахью на Элизииуме, Алекс релаксировал и вспоминал, как обыгрывал меня в "балду" на парах по экономике.

У каждого свои таланты. Не согласны?